

Елена Семёнова. «Мудрость змия» (глава из романа "Претерпевшие до конца") / О Сергии Страгородском Поиск на сайте

17.05.2014

Елена Семёнова. «Мудрость змия» (глава из романа "Претерпевшие до конца") / О Сергии Страгородском

Целая неделя изоляции, нарушаемой лишь нескончаемым повторением многократно пройденного, немало раздосадовала митрополита Сергия. К чему это новое унижение? Эти указания и угрозы? Словно бы мог он поступить иначе или давал повод им подозревать себя в «неблагонадёжности», словно бы первый раз привелось сотрудничать. Конечно, неделя изоляции – это не ссылка, не тюрьма, не пытка голодом и жаждой. Но для чего? Разве не знал он сам, что надлежит говорить этим свалившимся, как снег на голову, репортёрам? Ещё как знал! И куда лучше инструкторов – в умении подбирать слова для обоснования требуемой идеи не им с ним тягаться было. Только портили дело своими правками, огрубляли его искусные конструкции.

А ещё ведь грозили опять. Грозили епископам. Грозили Саше... Знал Евгений Александрович, что нет у Сергия, кроме неё, ни единого по-настоящему близкого человека. Да и ему ли не знать? Сам он свою сестру, вместо матери растившей его, теперь лелеял и голубил. И Сергей бы свою Сашу лелеял, но не позволили, отняли её и теперь грозили расстрелять. За что?.. Сколько раз просил отпустить старуху, дать ей в холе и покое дожить свою трудную жизнь. Всё напрасно! Им нужен был заложник для пущей уверенности в нём.

А как бы хорошо было, если бы Саша сейчас рядом была, как когда-то в детстве. Хоть с нею по душам поговорить, отдохнуть... Вспомнилось светлым облаком детство. Арзамас, Алексеевский монастырь, где служил отец, бабка Пелагея, нянюшка Анна Васильевна. И Саша... Вот, разыгравшись в монастырском саду, он проворно вскарабкивается на забор и заводит звонким голосом песню. И сразу бежит тихая, боязливая Саша, просит робко:

- Ванечка, не пой песни, ведь у нас нет мамы.

Но Ваня в ответ распевался зычнее:

- У Саши нет мамыши, у меня мамаша Саша.

У Саши нет мамыши, у меня мамаша Саша... Эх-эх, как-то теперь она, мамаша Саша? Суждено ли свидеться, обнять её хоть напоследок?

Детство Вани ранёхонько закончилось. Отец отдал его сперва в приходское училище, оттуда - в Арзамасское духовное, после окончания которого он поступил в Нижегородскую духовную семинарию. В сущности, никакого выбора у Вани не было. Отец всё решил за него, не дав бойкому и сообразительному мальчику даже погулять-повеселиться, как положено юности.

А юность, между тем, брала своё. И было обидно тратить её в семинарских стенах. И то, что отец всё решил за него, точно за бессловесного и безвольного, также задевало ни на шутку. В этот кризисный период Ваня пристрастился к спиртному. Этот грех в семинарии был весьма распространён, и в товарищах для размыкания тоски недостатка не случилось.

Однажды, порядочно перебрав, Ваня, разгорячившись, поспорил с приятелями, что залезет на крест семинарской церкви. Дойдя до неё и смерив высоту каменного здания, он внутренне дрогнул, но бесчестие от проигранного пари показалось куда хуже, чем риск свернуть шею, и Ваня полез. Как удалось ему добраться до купола, он не помнил, помнил лишь тот момент, когда обрёл себя под самым небом, мёртвой хваткой вцепившимся в крест.

Вот, когда душа в пятки ушла, а хмель сошёл, как не бывало! Высота, на которую он взобрался показалась ему ещё выше, чем на самом деле. Представилось, что одно неверное движение – и он окажется внизу бездыханным. И дух отойдёт ко Господу во хмелю и безобразии, в кощунстве...

Наверное, никогда так горячо не молился Ваня Богу, как в те мгновения. И Бог услышал, простил юноше глупое молодечество.

С того дня Ваня всерьёз призадумался о своём будущем. О себе он знал, что обладает живым и острым умом, отменной памятью и иными талантами, с которыми многое можно сделать. Отец всю жизнь распорядился им по своей воле, и это было унижительно, но ведь отцовскую волю можно представить и как собственный выбор? Да, именно так! Божий промысел привёл его на нужную стезю, а теперь он, Ваня Страгородский, сам решит свою судьбу – всецело посвятит себя Церкви. Его ум и талант, несомненно, помогут ему занять достойное место, на котором сможет он проявить себя, показать, чего стоит.

Окончив семинарию, Иван поступил в Петербургскую духовную академию. К этому времени он уже вывел свою триаду успеха, от которой не отступал: твёрдое знание буквы, лёгкое владение словом и совершенное владение собственными чувствами. Проказы юности были забыты навсегда. Иван научился сохранять полное спокойствие в любом споре. Когда требовалось, он изображал горячность, спорил до крика, но при этом в отличие от оппонента не терял равновесия, приглядываясь к нему и нарочно подзадоривал, стараясь довести его мнение до абсурда, оставшись на его фоне образцом мудрости и рассудительности. Приветливость и ровность со всеми, неколебимое спокойствие и мягкость – всё это привлекало к Ивану людей, очаровавшихся им с первого же знакомства.

Природный дар лицедейства развивался и оттачивался с каждым днём, а с ним и дар слова, умение заговорить, запутать оппонента. Знание буквы в этом было совершенно необходимо. Именно буквой легко угашался любой довод противника. Каноны и правила Иван вызубрил наизусть – это давало ему немалую фору. Засыпанный многочисленными цитатами, перегруженный ими оппонент терялся и вынужден был пасовать, будучи не в силах продемонстрировать такой же эрудиции. Удачная и добродушная шутка довершала дело – противник оказывался обезоружен и смирен.

Иван внутренне наслаждался своими победами, но не подавал виду. Его способности высоко оценил инспектор Академии архимандрит Антоний (Храповицкий). Его влияние сыграло решающую роль в выборе Ивана, который он никак не решался сделать дотеле. Ни «штатское» богословие, ни иерейское служение не открывали достаточной перспективы для его дарований. Открывало оную лишь монашество, по стезе которого можно было подняться на высоту князей Церкви. До князей обычных деревенскому юноше дорости не помогли бы никакие способности.

Значит, чтобы не зарыть талант в землю, но поставить его на пользу Церкви, нужно было пожертвовать ей всего себя. Так и поступил Иван, приняв монашество с именем Сергий.

После окончания Академии он был отправлен нести миссионерское служение в Японии. Сергей принял это назначение с энтузиазмом, будучи уверен в своём красноречии и умении убеждать людей, но тут подстерегло его разочарование. Оказалось, что побеждать игрой слов и знанием буквы собственных товарищей в уютных гостиных или аудиториях это совсем не то, что обращать ко Христу иные языцы, пробуждать в их сердцах божественный свет. Японцы остались глухи к его мудрым проповедям, и это немало потрясло Сергея. Оказалось, что для того, чтобы будить веру в человеческих душах, мало было знать букву и уметь мудро говорить. Нужно было что-то ещё... Что-то, что было у его начальника архиепископа Николая (Касаткина), у епископа Алеутского Тихона (Белавина), у иеромонаха Андроника (Никольского), но не было у него, Сергея.

Подавленный и смущённый, он вернулся в Россию, зарекась заниматься миссионерством, и стал преподавать в родной Академии, а несколько лет спустя сделался её ректором.

Новый век только наступил, но уже сулил стать бурным. Нарастающие революционные настроения, брожения общественной мысли – всё это чутко улавливал Сергей. При такой качке нужно обладать немалым искусством, чтобы сохранять равновесие, чтобы не уклониться ни в одну из сторон, но балансировать между ними, сохраняя добрые отношения со всеми, быть «мудрым, аки змии». В этом искусстве он сделался подлинным виртуозом. С одной стороны – председательствовал на заседаниях либеральных «Религиозно-Философских Собраний», организованных Мережковским, с другой – отстаивал права государства, в частности, право вмешиваться в дела Церкви. На заседаниях Собраний Сергей утверждал:

- Нужно иметь в виду, что каждое государство, каждый народ имеет свою миссию, которая дается ему Богом... Раз Христос допускает свободу совести и раз Русская Церковь считает Себя наследницей заветов Христа – естественно, что всевозможные средства принуждения теряют всякий смысл и должны быть уничтожены... Мне кажется, что у нас глубокое недоразумение и относительно представления о государстве. Отличие западного идеала государства от русского в том, что мы подчиняемся государству не во имя отвлеченных государственных идей, а во имя Христа... Русская государственная власть не может быть индифферентной, атеистической, если она не хочет прямо отречься от себя самой. Такое понимание русской царской властью своих задач церковных обеспечивало Церкви полную свободу Ее исповедания. Государь, как представитель прав мирян в Церкви, был всегда первым представителем церковных идеалов, ставивший всегда эти идеалы выше себя и государственных интересов, хранителем этих идеалов, хотел жить для них и существовать именно для этих идеалов. Если можно было бы представить дилемму, что важнее для государства: его существование или существование православной веры, то по логике русской веры вера важнее, интересы государственные должны быть принесены в жертву вере. Соблюден ли этот идеал в наше время? Петр Великий погрешил тем, что он пытался вместо этих идеалов поставить другие идеалы, пытался поставить идеал государства как цель саму по себе, - и тотчас, позволив себе немного покритиковать реформы Петра, особенно в части попытки обеспечить свободу вероисповедания в России, добавлял, уравнивая: - Если бы русское государство приняло эти принципы и во всей полноте их провело, то тогда бы нужно было требовать полного удаления Церкви от государства. Но тогда русское государство потеряло бы в глазах народа всякую святость. Что же нам делать? Мне кажется, теперь вопрос не в том... чтобы идеалы Церкви были признаны безусловно неприкосновенными, чтобы с Церкви была снята всякая националистическая и подобная миссия, так как все это вопросы исключительно государственные. Я говорю не о свободе духовной власти от светского

вмешательства. Это вопрос ничтожный. Я говорю о том, чтобы идеалы Церкви были первенствующими, чтобы государство не употребляло Церковь в свою пользу, как орудие... Относительно того, нуждается ли Церковь в государстве, я приведу слова Филарета, консервативнейшего из консерваторов, который говорит: если Церковь молится за государство и поддерживает его, то делает это совсем не из соображений Своей пользы, не потому, что нуждается в его поддержке, а делает это во имя долга, как призванная молиться за государство, за благостояние этого мира.

Овцы оставались целыми, а волки сытыми. Легко лавируя между противоположными течениями, Сергей поднимался всё выше по иерархической лестнице. Став членом Синода, он также умело уклонялся от каких-либо резких кренов в ту или иную сторону. Одних иерархов обвиняли в «распутинщине», других – в неуместном либерализме, Сергей оставался вне лагерей. Зимой 1911–1912 годов на заседании Думы, обсуждавшем синодальную смету, Гучков в присутствии обер-прокурора Саблера обрушился на Синод и самого Саблера со всей несдержанностью накопившего негодования, приводя вопиющие факты тлетворного влияния «распутинщины». Присутствовавший при этом митрополит Евлогий, бывший депутат, а в ту пору член Синода, не сумел защитить Саблера, выразив надежду, что тот справится с этим самостоятельно. Саблер был недоволен, и тут-то представился случай проявить себя Сергию. Он потребовал, чтобы Синод демонстративно поднёс оскорблённому обер-прокурору икону, защитив его от гнусных нападок. Митрополит Евлогий был против, но икону поднесли. И проявленная ревность, само собой, зачлась архиепископу Сергию.

Но, вот, грянула революция, зашаталось кресла под членами Синода и вскоре освободились, свежееиспечённый обер-прокурор Львов набирал новый состав. Лишь архиепископ Сергей сохранил своё место. Должен же был остаться в Синоде хоть один человек, имеющий опыт работы! Уйти солидарно с остальными было бы благородно, но вредно для Церкви.

Несколько месяцев спустя Львов снова решил перетрясти Синод. Ему категорически возразил архиепископ Платон (Рождественский), а за ним и все члены Синода. Ждали слова Сергия. Он всегда не любил таких моментов. Решение требовалось принимать быстро, а в спешке, не просчитав последствий, всегда рискуешь стать не на ту сторону. Поэтому ответил уклончиво, снова не примыкая ни к кому:

- Я вполне понимаю и ценю желание обер-прокурора. Отстаивать современный состав Синода нам даже как будто бы неприлично, ибо сами мы к нему принадлежим, и это значит отстаивать свои личные права. Разве что не следует принимать столь судьбоносные решения поспешно...

Поймав на себе выразительный Платонов взгляд, Сергей нарочно стал смотреть в другую сторону. Но и там взгляды были не многим лицеприятнее...

В декабре Сергей оказался единственным епископом - членом Учредительного Собрания, пройдя по общему списку черносотенцев и кадетов. Впрочем, участия в работе этого органа он не принимал, сосредоточившись на работе Поместного Собора. Во время выборов Патриарха большинство было уверено в избрании митрополита Антония. И Сергей в душе завидовал бывшему учителю, пользовавшемуся огромным авторитетом. Когда же белый клобук увенчал главу митрополита Тихона, в душе шевельнулась досада. Сергей представил, что это на него пал жребий, и на душе замутилось. Ведь он и впрямь имел все качества, чтобы занять патриарший престол в столь сложную годину. В такой период Церковь должна быть в руках искусных, в руках человека дальновидного и

мудрого, который сумеет вывести её из самых трудных положений, у которого хватит хитрости вести игру с такими пройдохами, как большевики. Все эти необходимые качества Сергей знал за собой сам, знали их и другие. Но увы, до белого клобука было слишком далеко.

В начале двадцатых гордости митрополита Сергея выпало серьёзное испытание. Тогда он совершил свою самую большую ошибку, слишком поспешно поддержав обновленцев. Попутал же бес связаться с этими фиглярами, как будто не очевидно было, что народ никогда не примет их! А в итоге пришлось слёзно каяться перед Тихоном... Добро ещё тот прещений не наложил. О том своём публичном покаянии Сергей и теперь не любил вспоминать – всякий раз точно заново минувший стыд и унижение переживал.

История с обновленцами помогла ему окончательно уяснить, что в Церкви образ консерватора неизменно более надёжен, чем личина прогрессиста. Церковный народ в массе своей глубоко консервативен и за реформаторами не пойдёт. Пойдут лишь немногие отщепенцы, которые априори ненадёжны и в любой момент предадут того, за кем пошли. Консерватор же всегда будет пользоваться доверием, уважением и любовью паствы, а в случае притеснений обретёт в её глазах мученический ореол. Такая репутация даёт куда большее поле для манёвра. То, что, исходя от прогрессистов, воспримется паствой, как ересь и хула, в устах консерватора станет предметом для обсуждения и при должных стараниях обретёт поддержку. Авторитет консерватора обеспечивает ему кредит доверия, пользуясь которым, можно проводить необходимые преобразования. Проводя прогрессивные реформы, необходимо покрывать их консервативной фразеологией, отвлекая и успокаивая ею сознание паствы. Консерватор – лучшая маска для реформатора...

Сделав этот вывод, Сергей уже не отступал от избранной тактики. Первый случай для оттачивания её представился осенью 1924 года, когда шли переговоры представителей Антирелигиозной комиссии с патриархом о «легализации». Предполагалось провести Всероссийский Поместный Собор, в состав которого наряду с Тихоном вошли бы и вожди «обновленчества». Для этого мероприятия Тучков попросил Сергея подготовить основной доклад, который подвёл бы богословский фундамент под новые отношения государства и Церкви.

Задача была нелёгкой, но в то же время увлекательной, ибо давала изрядный простор применить с юности оттачиваемые таланты и накопленные знания, поупражняться в трактовке канонов и самого Писания, продемонстрировать своё исключительное умение подвести самую фундаментальную и благовидную базу под нужную идею. Вновь искусно лавируя меж разных берегов, Сергей писал: «Прежде всего мы не должны забывать, что государственная власть у нас принадлежит коммунистам-большевикам, т.е. партии, которая объявляет себя без религии, против всякой положительной религии. Другими словами, фактически государственной религией у нас является атеизм, а задача и желание государственной власти сделать его и народной религией. Понятно, что всякая положительная религия, более или менее прочно пустившая корни в народную душу, будет для власти конкурентом, тем более нежелательным, чем шире и глубже влияние этой религии на народные массы.

...В своем прошлом христианство помнит не только стеснения обстоятельств, подобные нынешним, но и прямые гонения, стоившие Церкви десятков тысяч жизней ее лучших сынов, и целые миллионы отпавших, и однако Она все претерпела и вышла победительницей. Сокращаясь количеством, Она в неизмеримой прогрессии возрастала

качественно, сжималась как бы в клубок, чтобы с тем большей энергией и глубиной воздействовать на окружающее общество.

...Было бы, конечно, лишь фразой теперешнее свое стесненное положение нашей Русской Церкви приравнивать к эпохе гонений. Правда, Церковь наша лишена имущества, а с ним и устойчивого обеспечения для своих учреждений. Но храмы наши открыты для публичного богослужения, проповедь раздается, всякий свободно может приходить и слушать. Правда и то, что некоторые из церковных деятелей и у нас поплатились жизнью, а многим другим из них пришлось познакомиться с тюрьмой и ссылкой. Но причина того уже не религиозные убеждения как таковые, а описанные выше политические отношения.

...Если, например, в прошлом наша Русская Православная Церковь стояла за монархию и даже карала своей анафемой восстания против монарха, то это не обязывает нас оставаться при том же и теперь, при изменившихся условиях. Мы, совершенно не погрешая против нашей веры и Церкви, можем быть в гражданском отношении вполне лояльными к Советской власти и, не держа камня за пазухой, работать в СССР на общее благо... чтобы добиться разрешения на Собор, мы должны представить Правительству вполне гарантированное заявление о лояльности нашей Церкви, а чтобы иметь в руках такое заявление, нам нужен Собор. Получается круг. Выход из него, может быть, откроется в том, чтобы в самую программу будущего Собора внести некоторые пункты, ясно определяющие отношение нашей Церкви к Советской власти и вообще к новому государственному и социальному строю, и представить эту программу Правительству вместе с ходатайством о разрешении на созыв Собора. Пункты эти должны быть рассмотрены Собором в самом начале его занятия. Положительный ответ на них предоставит Собору возможность продолжать свои занятия и приступить к решению других назревших вопросов, собственно церковных; отрицательный же ответ будет для Правительства основанием распустить Собор раньше, чем он успеет что-либо сделать для Церкви. Думается, Правительство даст нам возможность легально определить свою позицию и упорядочить наши церковные дела».

Следуя наказу Тучкова, Сергей старательно обосновал необходимость полной законопослушности Церкви – вплоть до сообразования всех проявлений церковной жизни с законами Советской власти и требования от всех православных лояльности по отношению к власти.

Последнюю главу своего доклада он посветил анализу отношений коммунизма и христианства в целом, доказывая, что коммунизм «не только не противен христианству, но и желателен для него более всякого другого, это показывают первые шаги христианства в мире, когда оно, может быть, еще не ясно представляло себе своего мирового масштаба и на практике не встречало необходимости в каких-либо компромиссах, применяло свои принципы к устройству внешней жизни первой христианской общины в Иерусалиме, когда никто ничего не считал своим, а все было у них общее...»

Отдельные постулаты обновленцев также пришлось кстати в этом труде: «Находясь в союзе с собственническим государством и своим авторитетом как бы поддерживая собственнический строй, Христианство (точнее, наша православная Церковь в отличие от протестантства) идеальной или совершенной жизнью, наиболее близкой к идеалу, считало все-таки монашество с его отречением от частной собственности. Это господствующая мысль и православного богослужения, и православного нравоучения, и всего православно-церковного уклада жизни. Тем легче, следовательно, было бы христианству помириться с коммунистическим строем, если бы он оказался в наличности в тогдашнем или в каком-

либо другом государстве. Поэтому и наша Православная Церковь, стоя перед совершившимся фактом введения коммунистического строя Советской властью, может и должна отрицать коммунизм как религиозное учение, выступающее под флагом атеизма... Но занимать непримиримую позицию против коммунизма как экономического учения, восставать на защиту частной собственности для нашей Православной, в особенности Русской Церкви, значило бы забыть свое самое священное прошлое, самые дорогие и заветные чаяния, которыми, при всем несовершенстве повседневной жизни и при всех компромиссах, жило и живет наше русское, подлинно Православное церковное общество».

В этой, наиболее важной для себя главе, митрополит Сергей уделил внимание и историческому пути Русской Церкви. Тому, как «иосифлянство» перегрузило её богатствами, и лишь Екатерина отчасти облегчила это бремя, лишив Церковь земель, окончательную же свободу ей дала только Революция. Следуя избранной консервативной линии, он обрушился на протестантизм, занесённый в Россию Петром: «Отрицая возможность вообще духовного подвига в земной жизни христианина и отвергая монашество, протестанство стало культивировать добродетели семейные, общественные и государственные. Поэтому и Церковь там сама собою оказалась подчиненной государству, и добродетели гражданские практически оказались более нужными, чем духовные. А так как государство было собственническим, так как гражданский строй был буржуазным, то и гражданские добродетели эти оказались преимущественно буржуазными и собственническими: верность государю, честность, трезвость, бережливость, соседняя с скопидомством и т.д. По этому пути протестанство вполне последовательно пришло потом и к утверждению, что собственность священна, и даже что долг богатого человека – заботиться об увеличении своего богатства. Для пересаженного к нам с Запада полицейского государства эти выводы протестанства были весьма пригодными и потому были весьма скоро и основательно усвоены всеми по-государственному мыслящими людьми. Они свили себе гнездо и в официальном богословии. Но подлинно православной, в особенности русской православной науке с этими выводами не по пути. Недаром немцы возмущались некультурностью нашего мужика, невозможностью никакими силами привить ему помянутые буржуазные добродетели. Он все продолжает твердить, что земля «Божья», т.е. ничья, что все, что нужно всем, и должно быть в общем пользовании... ..Где у нас идеал честного и аккуратного собственника? Напротив, не юродивый ли, если взять духовную литературу, не босяк ли, если взять светскую, а в том и другом случае не человек ли, живущий вне условий и требований буржуазной жизни, есть подлинно наш русский идеал? Я убежден, что Православная наша Церковь своими «уставными чтениями» из отцов Церкви, где собственность подчас называлась не обинуясь кражей, своими прологами, житиями святых, содержанием своих богослужебных текстов, наконец, «духовными стихами», которые распевались около храмов нищими и составляли народный пересказ этого церковного книжного учения, всем этим Церковь в значительной степени участвовала в выработке вышеописанного антибуржуазного идеала, свойственного русскому народу. Допустим, что церковное учение падало уже на готовую почву или что русская – по-западному некультурная – душа уже и сама по себе склонна была к такому идеалу и только выбирала из церковной проповеди наиболее себе сродное, конгениальное. Во всяком случае можно утверждать не колеблясь, что Православная наша Церковь своим (теперь неофициальным) учением не только не заглушала таких естественных произрастаний русской души, но напротив, доставляла им обильную пищу, развивала их и давала им освящение.

...Вот почему я утверждаю, что примириться с коммунизмом как учением только экономическим (совершенно отменяя его религиозное учение) для Православной нашей

Церкви значило бы возвратиться к своему забытому прошлому, забытому официально, но все еще живому и в подлинно церковной книжности, и в глубине сознания православно-верующего народа».

Тогда, в 1924 году работа, изначально заказанная ГПУ, но по ходу написания сделавшаяся для Сергея своей почти до сокровенности, не была востребована. А через три года она послужила первоосновой для Декларации...

Представителей советской печати, ради беседы с которыми его, словно мальчишку, прорабатывали целую неделю, Сергей не опасался. Он знал, о чём будут спрашивать, знал и что отвечать. И хотя противно было, что придётся вновь откровенно лгать и затем получать очередные обличения всевозможных раскольников, но что поделаешь? Сказано: будьте мудры, аки змии.

Журналисты прибыли ровно в назначенное время. Сергей принял их вместе с членами Синода.[1]

- Действительно ли существует в СССР гонение на религию и в каких формах оно проявляется? – прозвучал первый вопрос.

Вспомнилась некстати тюрьма и отвратительная селёдка, даваемая без капли воды – морозом продрало по коже.

- Гонения на религию в СССР никогда не было и нет. В силу декрета об отделении Церкви от государства исповедание любой веры вполне свободно и никаким государственным органом не преследуется. Больше того. Последнее постановление ВЦИК и СНК РСФСР о религиозных объединениях от восьмого апреля 1929 года совершенно исключает даже малейшую видимость какого-либо гонения на религию.

- Верно ли, что безбожники закрывают церкви, и как к этому относятся верующие?

Перед глазами промелькнули руины московских монастырей и храмов. Вопрос задавал молодой, энергичный журналист с написанным на плоском лице рвением.

- Да, действительно, некоторые церкви закрываются. Но производится это закрытие не по инициативе власти, а по желанию населения, а в иных случаях даже по постановлению самих верующих. Безбожники в СССР организованы в частное общество, и поэтому их требования в области закрытия церквей правительственные органы отнюдь не считают для себя обязательными.

- Верно ли, что священнослужители и верующие подвергаются репрессиям за свои религиозные убеждения, арестовываются, высылаются и т. д.?

- Репрессии, осуществляемые советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам, за разные противоправительственные деяния. Надо сказать, что несчастье Церкви состоит в том, что в прошлом, как это всем хорошо известно, она слишком срослась с монархическим строем. Поэтому церковные круги не смогли своевременно оценить всего значения совершившегося великого социального переворота и долгое время вели себя как открытые враги соввласти (при Колчаке, при

Деникине и прочих). Лучшие умы Церкви, как, например, Патриарх Тихон, поняли это и старались исправить создавшееся положение, рекомендуя своим последователям не идти против воли народа и быть лояльными к советскому правительству. К сожалению, даже до сего времени некоторые из нас не могут понять, что к старому нет возврата и продолжают вести себя как политические противники советского государства.

- Допускается ли в СССР свобода религиозной пропаганды?

- Священнослужителям не запрещается отправление религиозных служб и произнесение проповедей (только, к сожалению, мы сами подчас не особенно усердствуем в этом). Допускается даже преподавание вероучений лицам, достигшим совершеннолетия.

- Соответствуют ли действительности сведения, помещаемые в заграничной прессе, относительно жестокостей, чинимых агентами соввласти по отношению к отдельным священнослужителям?

- Ни в какой степени эти сведения не отвечают действительности. Все это – сплошной вымысел, клевета, совершенно недостойная серьезных людей. К ответственности привлекаются отдельные священнослужители не за религиозную деятельность, а по обвинению в тех или иных антиправительственных деяниях, и это, разумеется, происходит не в форме каких-то гонений и жестокостей, а в форме, обычной для всех обвиняемых.

- Как управляется Церковь и нет ли стеснений для управления?

- У нас, как и в дореволюционное время, существуют центральные и местные церковные управления. В центре Патриархия, т.е. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и Священный Синод, а в епархиях – Преосвященные архиереи и епархиальные советы. Кроме этого, при каждом приходе существует дополнительный орган, избираемый верующими. В управлениях всех наших органов до сих пор не было никаких стеснений, и Преосвященные находятся на местах своих епархий.

- Как бы вы смотрели на материальную поддержку из-за границы и, в чем бы она могла выразиться?

- Наше положение как священнослужителей в достаточной степени обеспечивается материальной поддержкой наших верующих. Мы считаем для себя нравственно допустимым содержание нас только верующими. Получение же материальной поддержки людей другой веры и извне было бы для нас унижительным и налагало бы для нас большие моральные, а может быть, даже и политические обязательства и связывало бы нас в нашей религиозной деятельности.

- Как вы относитесь к недавнему обращению папы Римского?

Вот, на этот вопрос, пожалуй, даже в удовольствие ответить. Обличение католицизма и протестантизма было коньком митрополита Сергия. Ещё в Академии он понял, что тема эта неизменно выгодна со всех сторон. С одной стороны, нападки на католиков и протестантов ни в ком не вызовут раздражения, потому что прогрессистов куда более волнуют вопросы социальные, а консерваторы всегда радеют за веру Православную. С другой стороны, это традиционное для русского богословия направление помогает стяжать прочную репутацию ревнителя святоотеческих заветов, что привлекает как благосклонность паствы, так и церковного начальства. Ещё в своей магистерской

диссертации Сергей яростно обрушивался на западную религиозную мысль и обильно цитировал святоотеческие труды. Эту тему он не оставлял все последующие годы.

- Считаю необходимым указать, что нас крайне удивляет недавнее обращение папы Римского против советской власти. Папа Римский считает себя «наместником Христа», но Христос пострадал за угнетенных и обездоленных, между тем как папа Римский в своем обращении оказался в одном лагере с английскими помещиками и франко-итальянскими толстосумами. Христос так не поступил бы. Он заклеил бы такое отступление от христианского пути. Тем более странно слышать из уст главы католической Церкви обвинения в гонениях на инаковерующих, что вся история католической Церкви есть непрерывная цепь гонений на инаковерующих, вплоть до пыток и сожжения их на кострах. Нам кажется, что папа Римский в данном случае идет по стопам старых традиций католической Церкви, натравливая свою паству на нашу страну и тем поджигая костер для подготовки войны против народов СССР. Мы считаем излишним и ненужным это выступление папы Римского, в котором мы, православные, совершенно не нуждаемся. Мы сами можем защищать нашу Православную Церковь. У папы есть давнишняя мечта окатоличить нашу Церковь, которая, будучи всегда твердой в своих отношениях к католицизму, как к ложному учению, никогда не сможет связать себя с ним какими бы то ни было отношениями. На днях нами будет издано специальное обращение к верующим с указанием на новые попытки папы Римского насадить среди православных христиан католицизм совершенно непозволительными путями, к каким прибегает папа.

- Как вы относитесь к выступлению архиепископа Кентерберийского на кентерберийском церковном Соборе?

- Нам кажется вообще странным и подозрительным внезапное выступление целого сонма глав разного рода церквей – в Италии, во Франции, в Германии, в Англии – в «защиту» Православной Церкви. Внезапный необъяснимый порыв «дружеских» чувств к Православной Церкви обычных противников Православия невольно наводит на мысль, что дело тут не в защите Православной Церкви, а в преследовании каких-то земных целей. Мы не беремся объяснять, какие это земные цели, но что они имеют мало общего с духовными запросами верующих, в этом нет никакого сомнения. Что касается, в частности, выступления архиепископа Кентерберийского, то оно грешит той же неправдой на счет якобы преследований в СССР религиозных убеждений, как и выступление Римского папы. Трудящиеся люди Лондона расценивают выступление архиепископа Кентерберийского как выступление, «пахнущее нефтью». Нам кажется, что оно если не пахнет нефтью, то, во всяком случае, пахнет подталкиванием папства на новую интервенцию, от которой так много пострадала Россия.

В очередной раз засвидетельствовав свой патриотизм советского гражданина, митрополит Сергей удалился в свои покои. Его задача была выполнена. Завтра весь мир прочтёт, что в СССР нет никаких гонений на Церковь, и всё идёт своим чередом. И новые анафемы бывших собратий падут на его седую голову...

На душе было тошно. И хоть бы с кем слово сказать... Куда там! Сразу донесут Евгению Александровичу. Собственные синодалы и помощники донесут. Тошно!..

И не иначе как для того, чтобы ещё тошнее стало, просунулся в дверь секретарь:

- Владыка! Здесь митрополит Кирилл!

Даже в висок ударило от такой новости:

- Где – здесь?.. – переспросил севшим голосом.

- По лестнице поднимается, сюда идёт!

Вот уж принесла нелёгкая...

- Так разве он не в ссылке?

- Вы запомнили, владыка. Его недавно освободили с разрешением поселиться в Гжатске.

- Проездом, стало быть... Что ж, придётся принять. С порога не прогонишь...

Митрополит Кирилл! Старейший иерарх Русской Церкви, первый из трёх местоблюстителей, первый кандидат на пост патриарха и одновременно его, Сергия, постриженник... И многолетний непримиримый критик... Как говорить с ним, когда после недели мытарства и клоунады перед прессой одно желание – остаться одному и никого не видеть?

Всколыхнулись разом все обиды последних лет. Дерзновенные письма, расколы, предательства... Как поддерживал его Угличский Серафим, а ныне анафематствует! Как сыновне обращался Вятский Виктор, а ныне прямо в еретики записывает! Епископы и простые священники отказывались принимать от него назначения. Добро если, как Серафим (Звездинский) тихо уходили на покой, а то ведь сразу с открытыми обличениями выступали, как тот же священник Пискановский...

А Иосиф? Иосиф, который поддержал его в тяжбе с Агафангелом, которого сам он назначил на Петроградскую кафедру, как смел он развязать этот бунт? Покойный Иларион[2] справедливо заметил в письме с Соловков: гордыней сочтется иосифово письмо – будто бы только и беда, что его с Петроградской посмели на Одесскую кафедру переместить! При покойном царе знай себе тасовали архиереев. Владимира-митрополита в Киев отослали по капризу царицы за распутинскую обиду. И ничего! Все принимали такое положение. А ныне в ревнителю записались, свободы церковной возжаждали! И такие-то люди хотят Церковью править? Сохрани Господь! В считанные месяцы уничтожат её, сами погибнут и овец своих за собой увлекут. И всё – во имя «правды церковной»! А зачем нужна правда, если Церкви не будет? Если епископов не будет?

Всего тяжелее был отход старейших иерархов, с которыми прежде был Сергей дружен. Он рассчитывал, что они, умудрённые годами и долгой службой, в том числе, в царском Синоде, поймут и примут его тактику. Но они не поняли...

Особенно тягостное впечатление произвело письмо митрополита Антония. В далёком 1896 году в Москве он, друг и наставник Сергия, почтил его магистерскую диссертацию лестным отзывом: «прекрасное и выдающееся по талантливости и самостоятельности исследование». Их имена часто упоминали вместе, сравнивали их труды. Парадокс: их двоих обличил в опасном модернизме богословских изысканий Виктор Островидов, предсказав, что оные потрясут Церковь. А теперь ставший епископом Виктор и

возглавивший зарубежную часть Русской Церкви Антоний в один голос обличили его, Сергия...

«...с нами разделяет Вас то, что Вы в желании обеспечить безопасное существование церковному центру, постарались соединить свет с тьмой, - гневно писал Антоний. - Вы впали в искушение, сущность которого раскрыта в св. Евангелии. Некогда дух зла пытался и Самого Сына Божия увлечь картиной внешнего легкого успеха, поставив условием поклонение ему, сыну погибели. Вы не взяли пример со Христа, св. мучеников и исповедников, отвергших такой компромисс, а поклонились исконному врагу нашего спасения, когда, ради призрачного успеха, ради сохранения внешней организации, заявили, что радости безбожной власти — Ваши радости и что враги ее — Ваши враги. Вы даже постарались развенчать мучеников и исповедников последних (в том числе и себя, ибо мне известно, что одно время и Вы являли твердость и были в заключении), утверждая, будто бы они терпят темничное заключение, изгнание и пытки не за имя Христово, а как контрреволюционеры. Вы этим возвели на них хулу. Вы унизили их подвиг, расхолодили тех, кто может быть приобщился бы к лику мучеников за веру. Вы отлучили себя от цвета и украшения Русской Церкви. В этом ни я ни мои заграничные собратья никогда не последуем за Вами. Еще в 1927 году, видя, что Вы впали не только телом, но и душою в плен к безбожникам, наш Собор постановил:

1) Заграничная часть Всероссийской Церкви должна прекратить административные сношения с Московской церковной властью в виду порабощения ее безбожной советской властью, лишаящей ее свободы в своих волеизъявлениях и канонического управления Церковью, 2) Чтобы освободить нашу иерархию от ответственности за непризнание советской власти заграничной частью нашей Церкви, впредь до восстановления нормальных сношений с Россией и до освобождения нашей Церкви от гонений безбожной советской власти, Заграничная часть нашей Церкви должна управляться сама, согласно священным канонам, определением Священного Собора Всероссийской Поместной Православной Церкви 1917-1918 г.г. и постановлением Свят. Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего /Церковного/ Совета от 7/20 ноября 1920 г., при помощи Архиерейского Синода и Собора Епископов, под председательством Киевского митрополита Антония. 3) Заграничная часть Русской Церкви почитает себя неразрывною, духовно-единою ветвью Великой Русской Церкви. Она не отделяет себя от своей Матери Церкви и не считает себя автокефальною. Она по прежнему считает своею главою Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Петра и возносит его имя за богослужениями. 4) Если последует постановление митрополита Сергия и его Синода об исключении заграничных епископов и клириков, не пожелавших дать подписку о верности Советскому правительству, из состава Московского Патриархата, то такое постановление будет неканоническим. 5) Решительно отвергнуть предложение митрополита Сергия и его Синода дать подписку о верности советскому правительству, как неканоническое и весьма вредное для Святой Церкви как в России, так и за границей (Окр. послание от 27 авг./9 сент. 1927 г.).

Мы, свободные епископы Русской Церкви, не хотим перемирия с сатаной. Хотя Вы и стараетесь затуманить вопрос, называя наше враждебное отношение к большевикам только политикой, между тем, как мы веруем, что борьба с ними «брань не против крови и плоти, но против начальств, против властителей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6, 12).

Мы не имеем никакого общения с заключенными в России православными архипастырями, пастырями и мирянами кроме того, что молимся о них, но знаем, что они страдают именно за веру, хотя гонители и обвиняют их в чуждых им государственных

преступлениях, как любили делать это враги христиан и в древнейшие времена. Но и древние мученики и их собраты хорошо знали, что когда их жгли якобы за поджог Рима, то на самом деле это «мироправитель века сего» гнал их за то, что они остаются верны Спасителю. Ничто так не возвещает и не укрепляет Церковь, как мученичество, хотя бы она таким образом лишилась и своего Предстоятеля. Для Вас крестный путь представляется теперь безумием подобно тому, как и современным Апостолам эллинам (1 Кор. 1, 23). Все силы свои направляете Вы к тому, чтобы жить в мире с хулителями Христовыми, гонителями Церкви Его и Вы даже помогаете им, добываясь от нас изъявления лояльности и ставя клеймо контр-революционеров на тех, кто ничем не провинился пред советской властью кроме твердости в вере.

Умоляю Вас, как б. ученика и друга своего: освободитесь от этого соблазна, отрекитесь во всеуслышание от всей той лжи, которую вложили в Ваши уста Тучков и др. враги Церкви, не остановитесь перед вероятными мучениями. Если сподобитесь мученического венца, то Церковь земная и Церковь небесная сольются в прославлении Вашего мужества и укрепившего Вас Господа, а если останетесь на том просторном пути, ведущем в погибель (Мф. 7, 13), на котором стоите ныне, то он бесславно приведет Вас на дно ада и Церковь до конца своего земного существования не забудет Вашего предательства.

Об этом я мыслю всегда, когда взираю на подаренную мне Вами 20 лет тому назад панагию Владимирской Божией Матери с выгравированной надписью: «Дорогому учителю и другу». Дальнейшие слова этой надписи отмечены Вами так: «Дадите нам от елеа вашего, яко светильницы наши угасают» (Мф. 25, 2).

Вот мы предлагаем Вам спасительный елей веры и верности Св. Церкви, не отвергайте же его, а воссоединитесь с нею, как в 1922 году, когда Вы торжественно заявили Патриарху Тихону свое раскаяние в бывшем колебании Вашей верности. Не отвергайте же дружеского призыва сердечно любившего Вас и продолжающего любить».

Они упрекали его в политиканстве... Митрополита Антония в политиканстве не обвинял никто. Отчего так? Разве не были все действия этого «учителя и друга» политизированы до предела? Монархическая идея в нём взяла верх над Церковью, Церковь сделалась придатком к изжившей и дискредитировавшей себя монархической идеологии, к политизированной монархической эмиграции, для которой Гражданская война не кончалась. Готовы сотрудничать с кем угодно, с Папой Римский, с протестантами, с фашистскими режимами – только бы против коммунистов, против СССР, за мифического царя...

Вспомнилось, как в один из первых дней после падения самодержавия обиженный царицей митрополит Владимир не без удовольствия вытащил из зала заседания Синода кресло императора. Но Владимир теперь мученик, ему не припомнят «печальных фактов». И другим не припомнят... У всех теперь один лишь козёл отпущения, виновник всех бед – митрополит Сергей!

Да что бы было с ними, с Церковью, если бы не его непосильные труды, его политика? Кто из них смог бы ещё столько времени вести эту тяжелейшую, изматывающую партию с ГПУ? Кто бы выдержал? У кого бы хватило искусства маневрирования и самообладания? Нет, не поняли, не оценили...

И, вот, уже стоял в дверях один из первых судий – митрополит Кирилл.

- Здравствуйте, дорогой владыка! – поднялся ему навстречу Сергей, собираясь с силами для очередного поединка.

- Не хворать и вам, - кивнул Кирилл, закрывая дверь. Ему видимо тяжело было ходить, и он опирался на массивную палку.

- Садитесь, сделайте одолжение, - попросил Сергей.

Митрополит Кирилл с сомнением взглянул на предложенное кресло, но всё-таки сел и, не теряя времени на обиняки, перешёл к делу:

- Я пришёл узнать, передали ли вы моё письмо митрополиту Петру, как я о том усердно просил?[3]

- У меня не было такой возможности, - уклончиво ответил Сергей и по лицу бывшего собрата понял, что тот ему ни на йоту не поверил. Следуя утверждению о том, что лучшей защитой является нападение, он попытался повернуть разговор в свою сторону: - Стало быть, владыка, вы всё ещё упорствуете в своих заблуждениях. А я-то льстил себя надеждой, что с течением времени, с получением надлежащей осведомленности, вы исправите свою ошибку и не только прекратите неблагодарную работу подкапывания Дома Божия, но и поддержите своим авторитетом мои усилия восстановить сильно нарушаемый теперь порядок и чин в церковной жизни.

- Я также питал надежды, что Господь просветит вас и вы, прислушавшись к многочисленным голосам верующих, исправите свои ошибки и измените принятый вами роковой курс. Не я один, многие уповали, что вы внемлите увещаниям собратий и перестанете превышать свои заместительские полномочия в обход того, кого замещаете, а также распустите свой Синод.

- Вижу, вы, действительно, единомысленны с нашим новым расколом. Что ж, ваши и ваших единомышленников аргументы не новы. Известный архиепископ Григорий свою полемику против меня начал именно с отрицания моих полномочий. Действительно, походящему, всем нам привычному представлению, «зам» только подписывает бумаги за начальника и пропускает текущие дела, не смея касаться дел, требующих инициативы. Но это ходячее представление здесь неприложимо. Дело в том, что с титулом «заместитель» произошло у нас то же, что и с титулом «патриарший местоблюститель». В завещании Святейшего Патриарха говорится только о переходе патриарших прав и обязанностей, и уже митрополит Петр решил именоваться «патриаршим местоблюстителем», по букве же завещания, его титул должен бы быть: «исполняющий обязанности патриарха». Мой же титул должен звучать: «временно исполняющий обязанности патриаршего местоблюстителя».

На протяжении этого монолога митрополит Кирилл ни разу не взглянул на Сергия, устало и безразлично глядя в сторону. Затем со вздохом отозвался:

- Мы здесь одни, владыка. Мы оба стары, оба скоро будем держать ответ перед Высшим Судией. К чему эти ваши упражнения в полемическом искусстве? В нём вам нет равных, это знают все. Впрочем, как вам угодно... Я не стану оспаривать желательной вам терминологии для обозначения ваших церковных полномочий (дело не в терминах, а в деле), но продолжаю думать и утверждать, что вы действительно превзошли всякую меру самовластия, посягнув самочинно на самые основы нашего патриаршего строя. Синода с такими правительственными оказательствами, как ваш, Русская Церковь не знала ни при

патриархе, ни при митрополите Петре. Конечно, при наличии соправителей ваша единоличная власть теряет своё обнаружение, так как вы предусмотрительно распылили принятую на себя ответственность за ход церковной жизни на безответственную Коллегию, без утверждения которой ни одно ваше постановление не действенно. Правда, вы успокаиваете себя предположением, что будто бы не отступили от линии действий Святейшего, но почивший патриарх, имея около себя советников, называемых в совокупности Синодом, пользовался для проверки своей архипастырской совести и суждениями прилучившихся архиереев, но никого не ставил рядом с собою для переложения ответственности со своей головы на другие. Более того, Святейший прислушивался к голосу церковного народа и, случалось, отступал от решений, когда те грозили посеять смущение во вверенных его пастырской совести душах. Последуйте же его примеру, найдите благовременным распустить ваш Синод, возбуждающий столько тревог и страстных споров, успокойте смущенные души, с любовью отдавшиеся вашему руководству, пока не становились вы на путь ненужных новшеств! Неужели эти души и их ничем не смущаемая совесть в общении с Церковью и ее служителями не гораздо ценнее для Церкви и важнее для общего в ней спасения, чем настойчивое сохранение в жизни церковной спорных учреждений? Уверен, что если бы вы во имя сохранения церковного исполнения последовали моему совету, то противники ваши снова с любовью возвратились бы под ваше руководство.

- Вернулись бы под моё руководство? – криво усмехнулся Сергей. – Те отщепенцы и раскольники, которые признают возглавляемую мною Церковь «царством антихриста», наши храмы - «вертепами сатаны», нас - его служителями, а Святое Причастие - «пищей бесовскою»? Это ведь, владыка, уже даже не раскол, а прямо хула на Духа Святого, грех и смерть, лишающий хульника надежды вечного спасения. И только беспросветная темнота одних и потеря духовного равновесия другими из хулителей дают христианской любви некоторую смелость верить, что грозное изречение Господа не будет применяться к этим несчастным со всей строгостью. Эти люди в отношении к нашей Церкви не стесняют себя никакими канонами и правилами. Между тем с их церковью лукавствующих вы состоите в общении: готовы одобрять и поддерживать самые непозволительные по канонам действия самочинников. Судите же сами, если за одну молитву даже на дому с отлученным виновный подлежит отлучению, согласно десятому Апостольскому правилу, если священнослужитель, сообщающийся с отлученным от общения, должен быть «вне общения церковного», согласно второму правилу Антиохийского Собора, если, наконец, «приложившиеся» к учинившему раскол должны быть извержены из сана по тридцать первому Апостольскому правилу, то тем более всему этому подлежите вы, в котором мы должны видеть не рядового сомолитвенника или полупассивного соучастника раскола, а при вашем авторитете и одного из главных его вдохновителей, своего рода «учителя бесчиния»! – чем дальше говорил Сергей, тем увереннее чувствовал себя. Годы не притупили остроты его памяти, и соборные и апостольские правила одно за другим предьявлялись неопровержимым обличением бывшему собрату. Тот смотрел уже не в сторону, а прямо на говорящего, но взгляд его ясных, абсолютно спокойных глаз оставался всё так же безразличен. Лишь лёгкое сожаление отразилось в нём. Когда же Сергей, наконец, остановился, ожидая услышать оправдания на свои обличения, митрополит Кирилл лишь негромко вымолвил:

- Все знают, что вы искусный канонист. И не было нужды вам так утруждать, доказывая это мне. Как бы ни подчеркивали вы строгость суждения канонов, ваши толкования производят малое впечатление и на непослушных, и на все церковное общество, совершенно перестающее доверять диалектической канонике, развившейся у вас до ужасающих размеров с появлением обновленчества. Вспомните, как на основании канонического буквализма обновленческий, так называемый, Собор осудил патриарха не

только на лишение сана, но и монашества. Поэтому не злоупотребляйте, владыка, буквой канонических норм, чтобы от святых канонов не остались у нас просто каноны. Церковная жизнь в последние годы слагается и совершается не по буквальному смыслу канонов. Помните, что и самый переход патриарших прав и обязанностей к митрополиту Петру совершился в небывалом и неведомом для них порядке. Кроме канонов, у епископа есть еще «иерархическая совесть», которая может его уполномочить действовать даже вопреки всяким канонам.

- Это мысль совершенно нецерковная, открывающая дверь самому необузданному произволу и самочинию, чтобы не сказать самодурству! Даже Римский папа претендует на непогрешимость только тех своих решений, которые произносятся им после соборного рассмотрения. Наше же положение гораздо скромнее: мы только служители, призванные творить волю Пославшего нас. А эта воля в обычной обстановке и нам, обычным людям, открывается не в виде каких-нибудь чрезвычайных откровений в нашей совести, а открыта в слове Божиим, в учении Церкви и в особенности в канонах, определяющих жизнь церковную в ее конкретной действительности! Святая Церковь повелевает нам подчиняться внушения нашей совести правилам внешнего церковного порядка, как показывают правила Карфагенского Собора. Епископ знает о преступлении от самого преступника из его личного наедине признания, но публично в судебном порядке установить этого преступления не может. «Иерархическая совесть» побуждает его немедленно же отстранить виновного от священнослужения, а Святая Церковь заповедует: «Доколе отлученного по сему случаю не примет в общение свой епископ, доколе сего епископа да не приемлют в общение прочие епископы».

- Вы, владыка, только что упомянули о христианской любви. Отчего же для своей христианской любви вы не нашли более любовный способ воздействовать на своих противников, как постановление вашего Синода, воспрещающее, несмотря ни на какие просьбы, отпевать умерших в отчуждении от вашего церковного управления? Не говоря уже о перемазывании крещеных, тем же святым миром помазанных, каким намазуют и послушные вам священники, или о перевенчании венчанных? И ведь вражду этим постановлением вы создаете, главным образом, с теми, кто за время существования обновленчества разных призывов своим православным чутьем, не зная писаных законов, безошибочно определяли подлинную церковную правду и возвращали к ней самих пастырей, пошатнувшихся было на своей церковной стезе, вследствие книжнического пользования писанными церковными правилами. Вслед иудейским первосвященникам вы вынесли им приговор: народ сей, иже не весть закона, прокляти суть.

- Вы сами порвали с нами евхаристическое общение, хуля наши Таинства, - развёл руками Сергей. – Правда, тем не менее, не считаете ни себя учинившим раскол, ни нас состоящими вне Церкви. Объясните, как это возможно? Для церковного мышления такая теория совершенно неприемлема - это попытка сохранить лед на горячей плите. Если мы одинаково полноправные члены Церкви, то это должно выразиться в евхаристическом общении между нами. Если же последнего между нами нет, то или вы учиняете раскол, или мы находимся вне Церкви!

- Ваши недоумения вызваны тем, что вы воспринимаете отрицание своей деятельности, как отрицание самой Церкви. Не лёд пытаюсь сохранить я на горячей плите, но растопить лёд диалектически-книжнического пользования канонами и сохранить святую их духа. Я воздерживаюсь литургисать с вами не потому, что тайна Тела и Крови Христовых будто бы не совершится при нашем совместном служении, но потому, что приобщение от Чаши Господней обоим нам будет в суд и осуждение, так как наше внутреннее настроение, смущаемое неодинаковым пониманием своих церковных взаимоотношений, отнимет у нас

возможность в полном спокойствии духа приносить «милость мира, жертву хваления». Поэтому во всей полноте свое воздержание я отношу только к вам и единомысленным с вами архиереям, но не к рядовому духовенству и тем менее к мирянам. Среди рядового духовенства очень немного сознательных идеологов вашей церковной деятельности. Большинство остается послушным вам по инерции и не смутятся в случае надобности у меня исповедоваться, исповедовать меня и со мною причащаться. От такого священника и я приму последнее напутствие. Конечно, если придется натолкнуться на одного из идеологов вашей деятельности, то мир наш к нам возвратится и с ним умру я без напутствия, но с исповеданием церковной правды.

Митрополит Сергей поднялся из-за стола, желая завершить бесполезный и утомительный разговор. С неожиданной лёгкостью встал следом и Кирилл, смотрящий всё с тем же оскорбительным братским сожалением, как на пропавшего.

- Я со всею искренностью прошу вас еще раз взвесить, что лучше: терпеть ли неопределенное время в ожидании Собора некоторые недостатки в организации церковного управления или же учинить из-за этих недостатков раскол и каждой стороне отдельно ждать Собора, - холодно произнёс Сергей. - Церковное сознание и вековой церковный опыт, выразившийся, между прочим, и в тринадцатом и четырнадцатом правилах Двукратного Собора, предпочитают первое, и они не ошибаются. Недостатки организации Собору всегда легко исправить, раз не потеряно благодатное преемство, но соединить расколовшихся иногда невозможно без чрезвычайного воздействия благодати Божией; и сам ушедший не желает возвращаться без первой одежды и перстня на руку, и старший его брат ревнует, как бы не оказаться ему уравненным с возвратившимся. Если вы предпочитаете второе, то я вынужден буду предать вас суду Собора архиереев по обвинению во вступлении в общение с обществом, образовавшим раскол, в поддержке названного раскола своим примером, словом и писаниями, в демонстративном отказе от принятия Святых Тайн в православных храмах и в отказе повиноваться законному Заместителю Патриаршего Местоблюстителя и иметь с ним общение.

Митрополит Кирилл пожал некогда богатырскими плечами:

- Бог вам судья, владыка. Я хотел увидеться с вами, чтобы понять... Теперь мне всё понятно. К сожалению. Прощайте, владыка!

Митрополит Сергей не стал провожать бывшего собрата до двери, в душе уже предав его суду и вынеся приговор. Те, кто не понимают ни блага Церкви, ни канонов, а желают анархии и произвола, истекающим из их абстрактного чувства правды, должны уйти, чтобы Церковь могла сохраниться. Лучше уйти им, нежели погибнуть всей Церкви...

Оставшись, наконец, один, он погрузился в работу, которую любовно вынашивал последние годы. В ней он раскрывал богословскую интуицию апостола Павла, снова полемизируя с католическим учением о наместнике Христа в Церкви.

- В свете апостольского учения о существенном единстве Христа – главы с Его Телом – Церковью становятся, в сущности, немислимыми никакие рассуждения о каком-то наместничестве в Церкви. Об этом можно говорить лишь до тех пор, пока мы рассматриваем Церковь как земную, человеческую организацию, хотя и с небесными задачами... - перечёл Сергей последнюю фразу, написанную перед изоляцией и, поразмыслив несколько минут, дописал: - На первом плане здесь администрация, а для администрации не важно, от кого исходит распоряжение, лишь бы данное лицо имело надлежащие полномочия.

[1] В реальности приводимая здесь беседа митрополита Сергия с журналистами имела место в 1930 году.

[2] Троицкий

[3] Приводимый диалог митрополитов основан на их переписке, имевшей место в конце 20-х – начале 30-х годов.

http://www.golos-epohi.ru/?ELEMENT_ID=11949.